

METACOMMONATIVE QUESTION CONSTRUCTS IN PHATIC COMMUNICATION (BASED ON EXAMPLES FROM INITIAL SPEECH LINES)

Abstract: Metacommunication is a process that regulates the dynamics of interaction using language resources which are meta-communicative in their essence. Metacommunication interrogative statements perform phatic function as they are actively involved in the development of communication in all phases - at the beginning of the speech interaction, during the course of conversation and in its completion. The regulation of speech in the process of phatic communication is accomplished with the help of metacommunication issues that are used in the dialogical interaction between the participants in the communication. In this study, based on examples of phatic communication, some communicative-pragmatic features are examined in the usage of metacommunication interrogative constructs in the initial speech lines to start a conversation in Russian and Bulgarian languages.

Author information:

Nadezhda Stoykova

Lecturer, PhD

at Department of Russian Language

at Konstantin Preslavski – University of Shumen

✉ n.stoykova@shu.bg

🌐 Bulgaria

Keywords:

phatic meta-communication, metacommunication
interrogative statements, initial speech lines

Метакоммуникация воспринимается как процесс, регулирующий динамику интеракции при помощи языковых средств, которые являются метакоммуникативными по своей природе. Метакоммуникативные вопросительные конструкции составляют лишь одну часть из этих средств, которые используются говорящим с целью: 1) обеспечить согласованное взаимодействие между ним и его собеседником в процессе интеракции – при стартировании, поддержке или при завершении речевого контакта; 2) проверить работает ли канал связи; 3) привлечь его внимание и получить представление, что он действительно слушает внимательно. Ввиду этого, совершенно логично связывают метакоммуникативные вопросительные высказывания с реализацией фатической функции, так как они активно участвуют в развитии коммуникации во всех стадиях – в начале, при поддержании и завершении речевого контакта.

Регуляция речи в процессе фатического общения осуществляется при помощи так называемых метакоммуникативных вопросов, реализуемых в диалогическом взаимодействии участников коммуникации. Вопросительные метакоммуникативные конструкции оказывают влияние не только на ход диалога, но и характеризуют коммуникативное поведение как говорящего, так и его собеседника.

Впервые о метакоммуникативной природе некоторых вопросительных конструкций упоминает Т. Д. Чхетиани. Она вводит понятие метакоммуникативный вопрос. Под этим понятием не подразумевается вопрос информативного типа, а такой, с чьей помощью ищется и осуществляется контакт [24]. На более позднем этапе в лингвистической литературе эти вопросы обозначаются разными терминами – *фатические вопросы* [11], *метаинформационные вопросы* [7], *метаинформативные высказывания* [9, с. 4], *псевдо информативные вопросы, псевдovoпросы* [10], *метакоммуникативные вопросы* [3, 5], *фразеологизированные вопросы* [2], *квазивопросы* [8]. Последний термин актуален в исследованиях болгаристов. В связи с пониманием термина *метакоммуникация* (в качестве регулятора всего процесса общения), для

целей и задач настоящего исследования потребуется применение термина *метакоммуникативный вопрос*.

В последние годы отмечается особый интерес к исследованию метакоммуникативных единиц общения. Метакоммуникативные маркеры как регулятор межличностного взаимодействия исследуются в ряде статей С. Петковой [15, 16, 17]. В русской лингвистике метакоммуникативным вопросительным конструкциям посвящено множество статей [3, 2, 5, 19, 1, 6] и диссертационных исследований [11] и др. Эти вопросы обсуждаются и в академических справочниках.

Например, в Академической грамматике 1980 г. описываются вопросы, выполняющие несобственно-вопросительную функцию. Предложенная классификация имеет общий характер, без учета референциального статуса субъекта речи. В РГ-80 выделяются только три основных типа: 1) экспрессивное утверждение (*Кто же не хочет быть честным?*); 2) экспрессивное отрицание (*Разве безумного можно научить?; Кто себе зла желает?; Как тут смолчишь?*); 3) вопрос, выражающий эмоциональную реакцию говорящего – эмоциональную констатацию факта, оценку, отношение, аффективное состояние (*Боже, что со мной делается?; Боже, зачем ты послал мне муки мученические?; Да вы что, смеетесь надо мной?; Как тебе не стыдно?; Как ты можешь так говорить?; Как он смел вас в такой номер поместить? (Ф.М. Достоевский)*) [21, §2624].

Среди современных исследований лингвистической прагматики и коммуникативного синтаксиса отличается труд Е. Линдстрем, в котором разработана семантико-прагматическая классификация русских вопросительных по форме высказываний и указаны основные иллокутивные функции этих вопросов – это интеррогативная, ассертивная, директивная, аффективная, фатическая функции. На основе семантико-прагматического анализа, и в зависимости от иллокутивных функций, автор предлагает два типа моделей классификации. Вопросительные по форме высказывания делятся на 9 семантико-прагматических типов: 1) настоящие вопросы; 2) вопросы дознания; 3) экзаменационные вопросы; 4) дидактические вопросы; 5) этикетные вопросы; 6) предварительные вопросы; 7) вопросы-предложения; 8) вопросы-сомнения; 9) игровые вопросы. В зависимости от иллокутивных функций эти вопросы бывают три типа: риторические, аффективные и фатические. В ситуациях косвенного побуждения употребляются директивные вопросы следующих разновидностей: вопросы-приказы; вопросы-просьбы; вопросы-предложения; вопросы-советы. В зависимости от дифференциальных признаков перечисленных типов вопросов в речевом общении они способны реализовать далеко не все, указанные функции, а лишь некоторые определенные:

Настоящие вопросы Вопросы дознания Экзаменационные вопросы Игровые вопросы	<i>Интеррогативная функция</i>
Вопросы-предложения Вопросы-сомнения	<i>Интеррогативная функция</i> + <i>Ассертивная функция</i>
Этикетные вопросы Предварительные вопросы	<i>Интеррогативная функция</i> + <i>Фатическая функция</i>
Настоящие риторические вопросы Риторические вопросно-ответные единства Рефлексивные риторические вопросы	<i>Ассертивная функция</i>
Аффективные вопросы	<i>Аффективная функция</i>
Фатические вопросы	<i>Фатическая функция</i>
Вопросы-приказы Вопросы-просьбы Вопросы-предложения Вопросы-советы	<i>Директивная функция</i>

[11, с. 23 – 24].

Поставленные цели и задачи в данной работе требуют детального исследования далеко не всех из указанных Е. Линдстрем типов вопросов, а всего лишь те, которые реализуют фатическую и аффективную функцию. Это этикетные, аффективные и фатические вопросы, используемые участниками фатической метакоммуникации в инициальной и реактивной репликах диалогических единств.

Исследуя метакоммуникативные вопросы в ответных репликах, Е. А. Бондарик предлагает строить их классификацию с учетом персональной направленности речевого действия. Рассматриваемые реакции на инициальную реплику (сообщение, побуждение, вопрос) указывают на тот факт, что вопросительные метакоммуникативные высказывания могут быть кооперативными или некооперативными. Автор устанавливает, что кооперативность и некооперативность в значительной степени зависят от семантики и прагматики именно инициальной реплики [3, с. 53].

В болгарской лингвистике наблюдается фрагментарное исследование метакоммуникативных вопросов, бегло о них упоминается в некоторых статьях М. Стефановой [22 и др.]. Первое и углубленное их исследование выполнено в диссертационной работе А. Каракалевой-Тодоровой [8]. Автор детально исследовала употребление квазिवопросительных высказываний в спонтанной устной речи носителей болгарского языка. Существенный вклад в работе представляется описание их структурных, семантических и функциональных особенностей. Квазिवопросительные высказывания представляют собой косвенные речевые акты. В их ядре содержится интеррогативность (это их первичная функция), а в периферии – квазिवопросительность (это их вторичная функция). Термином квазिवопросительность обозначаются периферийные значения вопросительных высказываний. Посредством вторичной функции вопросительных структур осуществляются косвенные речевые акты [8, с. 10]. Квазिवопросительные высказывания используются в общении, чтобы сделать сообщение, с целью активизировать внимание партнера по коммуникации, заблокировать речевую интенцию собеседника, заполнить хезитационных пауз, отправить вежливую просьбу или не в такой степени вежливое побуждение, выразить специфические эмоциональные состояния говорящего и т. д. [там же].

В зависимости от их семантических особенностей квазिवопросы классифицируются в 8 группах:

1. Квазिवопросы, представляющие ответ на вопрос
2. Квазिवопросы, передающие сообщение
3. Квазिवопросы, выражающие побуждение
4. Квазिवопросы, выражающие отношение говорящего
5. Квазिवопросы, выражающие эмоции
6. Квазिवопросы, заполняющие паузы
7. Контактные квазिवопросы
8. Интенсифицирующие квазिवопросы [8, с. 26 – 32].

С нашей точки зрения, эти вопросы амбиваленты по своей природе – в определенных ситуациях общения они могут восприниматься в качестве стандартных вопросов, которые используются инициатором речи для запроса определенной информации и то же самое значение расшифровывается им собеседником. Приведем в пример одну такую ситуацию:

— *Сколько лет, сколько зим?*

— *Одно лето. И вот еще зима (НКРЯ).*

В приведенной ситуации из реактивной реплики собеседника первоначально создается впечатление, что он не смог понять периферийное значение фразеологизированного этикетного высказывания и отвечает, сообщая конкретную информацию. Ответная реплика свидетельствует, о том, что адресат не расшифровывал метакоммуникативный код данного языка. Так как в коммуникативном сознании носителей разных языков хранится некая память о коммуникативных кодах, по всей вероятности, в данном примере речь идет о языковой игре.

Участвуя непосредственно в общении с другими людьми, говорящий накапливает коммуникативный опыт и строит свою коммуникативную компетентность, включающую все знания о периферийных значениях языковых единиц общения.

Вопреки тому, что в синтаксической структуре этих вопросов содержатся вопросительные элементы, они не используются для запроса информации. Их основные цели обычно связаны с этикетными нормами речевого поведения. Например, в ситуациях установления первоначального речевого контакта из ответа собеседника предполагается, что подобные вопросы реализуют только контактоустанавливающую функцию:

— *Как дела, Борис?*

— *О, добрый день! (НКРЯ)*

Этот пример указывает на то, что собеседник адекватно воспринял метакоммуникативное значение, так как в его ответной реплике используется дейктические стереотипизированные клише, предписываемы в речевом этикете.

В семантическом аспекте метакоммуникативные вопросы десемантизированы. Из-за их высокой частотности употребления эти вопросы превратились в автоматизированные клише. В информативном плане их определяют как *трафаретные* [20, с. 139], как *вопросы с нестандартной семантикой* [14, с. 233], „пустые вопросы“ [4, с. 55]. По мнению некоторых исследователей метакоммуникативные вопросы являются весьма конвенциональными языковыми средствами, которые вследствие десемантизации легко могут быть заменены на разные невербальные средства [23, с. 57], как например кивание головой, заинтересованный взгляд или улыбку.

Метакоммуникативные вопросительные конструкции характеризуются тремя базисными функциями (конститутивными признаками) – это **этико-поведенческая, психологическая, социальная функции** [5, с. 80]. Первая функция имеет регулятивный характер и связывается с соблюдением норм общения. Здесь можно отнести вопросы типа *Могу я вставить словечко? – Мога ли да добавя нещо?* Реализуя свою вторую функцию – психологическую, эти вопросы используются с целью установления комфорта в общении, например: *Выпьете воды? – Ще пите вода, нали?; Чай со льдом? – Чай с лед?* Социальное назначение метакоммуникативных вопросов выражается в укреплении личностного взаимодействия между партнерами по коммуникации: *Увидимся ли мы снова вскоре? – Ще се видим ли отново скоро?; Могу ли я надеяться, что вы позвоните? – Мога ли да се надявам/Да се надявам ли, че ще звъннете?*

Исследователи прямых и косвенных интеррогативных речевых актов в разных типах текстов указывают, что в качестве инициальной реплике используются различные разновидности как общих, так и частных вопросов. В качестве вопросов используются: 1) различные номинативные формы, служащие для установления и идентификации какого-либо лица, предмета или явления; 2) вопросы, направленные на установление качеств, свойств и характеристик, лица, предмета или явления; 3) вопросы, направлены на уточнение действия или состояния, выражаемого предиката – инфинитивные вопросы; вопросы, в которых предикат выражен спрягаемо-глагольной именной, наречной или какой-либо другой формой; вопросы, устанавливающие наличие/существование определенного положения дел; 4) этикетные вопросы; 5) частные или местоименные вопросы, имеющие назначение уточнить какую-нибудь составляющую пропозиции – субъекта, объекта или обстоятельства совершения действия [подробно см. 13, с. 108 – 110].

При исследовании фатической метакоммуникации в русском и болгарском языках наблюдается, что в инициальной реплике диалогических единств встречаются преимущественно два типа метакоммуникативных вопросительных высказывания – контактные метакоммуникативные вопросы и метакоммуникативные вопросы, выражающие побуждение к адресату.

Контактные метакommunikативные вопросы

Говорящий обычно стартирует речевую интеракцию, используя инициальную реплику. В начале фатического общения наблюдаются два основных сценария, при которых инициатор речи использует **контактные метакommunikативные вопросы**. Первый сценарий относится к идентификации потенциального партнера (А) по коммуникации, а второй связан с вступлением в настоящий речевой контакт (Б).

А) Идентификация потенциального партнера в общении

Русский язык

- А!.. Кого я вижу!? Это вы, мой добрый друг? (Нильский);
- Ах, это ты? (Ларри);
- Ах, это ты, Николай? (Нагибин);
- Теймраз, это ты? (Искандер);
- Это ты, дядя? (Домбровский)

Болгарский язык

- Кого виждам? Една стара приятелка! (БГ корпус);
- Мина, ти ли си? (Вежинов);
- Бате Симо, ти ли си? (Вежинов);
- Какво правиш тук, мамо? (Вежинов);

При идентификации собеседника в обоих языках используются сходные по типу метакommunikативные вопросы. Они выражены конструкциями типа *Это ты/ Ты ли си*, в их структуре содержатся экспрессивные междометные формы, которые выражают эмоциональное состояние говорящего. В метакommunikативных вопросительных конструкциях часто используются антропонимные формы адресации к собеседнику, а также и разнообразные по семантике обращения, которые являются носителями специфической прагматической информации.

Б) Вступление в настоящий речевой контакт

Русский язык

- Откуда взялся, друг мой? (НКРЯ);
- Ты откуда взялся? (НКРЯ);
- Толя, ты откуда взялся? (НКРЯ);
- Ты здесь откуда взялся, дед? (НКРЯ);
- Как поживаешь? (НКРЯ);
- Как поживаешь? Здорова ли? Узнала, кто говорит? (НКРЯ);
- Ну, как поживаешь, Тарас Семеныч? (НКРЯ);
- Ооо! Сколько лет, сколько зим?.. Когда последний-то раз с тобой видались?.. (НКРЯ);
- Кого я вижу?! Сколько лет, сколько зим! Где ты пропал? (НКРЯ);
- Сколько лет, сколько зим, что ты здесь делаешь? (НКРЯ);
- С тобой все хорошо? (НКРЯ);
- Как там у тебя, все в порядке? (НКРЯ);
- У тебя все в порядке? – спросил Антипов, входя в комнату матери (НКРЯ);
- Читаешь? Нравится? (НКРЯ);
- Ты рисуешь? (НКРЯ);
- Покушал? Что, музыку слушаешь? (НКРЯ);
- Телевизор смотришь? (НКРЯ).

Болгарский язык

- Какво правиш тук? (БНК)
- Охо, охо, как си, какво правиш? (БНК)
- О, какво правиш, как си, това-онова? (БНК)
- Къде се губиш толкова дълго, Тас? (БНК)
- Къде се губиш, защо не се обаждаш? (БНК)
- Е, поете, какво става с теб? Къде се губиш (БНК);
- Как я караи? Къде се губиш? (БНК);
- Наистина си добре, нали? (БНК);
- Ти си добре, нали? (БНК);
- Добре ли си? Как си? Трепериш малко, а? (БНК);
- Дойде си, значи? (БНК)
- Вечеря ли готвиш? (БНК);
- Забранени книги четеш значи?... (БНК)
- Как, пристигна ли вече? (БНК).

Из эксцерпированных примеров русского и болгарского языков, как можно заключить, четко выделяются три основных группы метакommunikативных вопросительных конструкций – **1. Ритуальные вопросы; 2. Вопросы-констатации; 3. Ситуативные вопросы-констатации**, которые инициатор общения (говорящий) использует в начале речевого общения.

С самой большой частотностью в употреблении зафиксированы ритуальные метакоммуникативные вопросы. Эти вопросительные конструкции используются преимущественно в регистре неофициального общения. Включая в структуру ритуальные вопросы, междометные формы и эмоциональные обращения, говорящий демонстрирует близость в отношениях со своим собеседником. В русском языке четко выраженной ритуальной функцией отличается фразеологизм *Сколько лет, сколько зим*. Его вопросительная интенция вполне десемантизирована, таким образом, носитель русского языка воспринимает фразеологизм как эмоциональное высказывание, при вступлении в речевой контакт с собеседником, с которым давно не встречались.

При вступлении в настоящий речевой контакт фатическую функцию реализуют метакоммуникативные вопросы-констатации типа *У тебя все в порядке? С тобой все хорошо?; Ты си добре, нали?; Всичко е постарому?* И в русском и в болгарском языках эти вопросительные по конструкции высказывания являются составной частью речевого этикета и ритуального говорения при стартировании речевой интеракции.

В спонтанных реакциях инициатора речи, провоцируемых вступлением в общение наблюдается и употребление ситуативных вопросов-констатаций. Они используются с целью привлечения внимания потенциального собеседника, с целью побуждения его вступить в речевое общение и для того, чтобы подтвердить или не подтвердить правильность наблюдения говорящего. Л. Г. Волкова называет эти вопросы „пустые“ и приводит в пример две ситуации: *“1) Муж заходит на кухню и спрашивает жену, которая жарит мясо: – Ужин готовишь?; 2) Два преподавателя встречаются по дороге в институт, один из них спрашивает: “На занятия?” [4, с. 55].* Употребление ситуативных вопросов-констатаций в самом начале речевого общения является проявлением экономии языковых средств, при котором говорящий может позволить себе опустить ритуальные стереотипные элементы, например, поздравление и обращение, как при этом не нарушится дальнейшая коммуникация.

Наблюдения показывают, что на начальном этапе общения метакоммуникативные вопросительные конструкции в обоих языках представляют собой специфические этикетные клише, которые, с одной стороны выражают вежливое отношение к собеседнику, а с другой – служат в качестве фундамента дальнейшего общения в режиме консенсуса. Указанные примеры являются своеобразными маркерами кооперативного развертывания диалогического общения.

Выявление специфики метакоммуникативных вопросов, несомненно, требует анализа и коммуникативных реакций собеседника. При кооперативном общении наблюдается, что контактные метакоммуникативные вопросы чаще всего воспринимаются в качестве этикетных стандартных вопросов, при которых собеседник отвечает вежливо, соблюдая нормы речевого этикета:

Русский язык

— *Лиза, ты тут?*
— *Да, мамуль, я тебя слышу*
(Т. Дубровина).

Болгарский язык

— *Ти си добре, нали?*
— *Да, добре съм. Благодаря, Невил (БНК).*

При использовании контактных метакоммуникативных вопросов говорящий как бы предварительно задает кооперативный тон общения, но собеседник свободен и может поменять ход общения в сторону некооперативности:

Русский язык

— *Как поживаешь? Здорова ли? Узнала, кто говорит?*
— *Нет, у меня нет знакомых с таким противным голосом, - сказала я, узнав его. (Л. Иванова).*

Болгарский язык

— *Надека бре, Стояне? Надека си тръгнал? Погледне я Стоян милно и премилно, па отговори:*
— *Ма ти, Цвето, къорава ли си! Не виждаш ли дека съм покарал шугавците на паша! (Д. Бежански).*

Метакоммуникативные вопросы, выражающие побуждение к адресату

Побудительные предложения в фатическом общении обнаруживаются на всех этапах речевого взаимодействия. Наблюдения показывают, что в начале и в конце коммуникативного контакта используются множество этикетных стереотипных высказываний с побудительной интенцией, которые являются обязательными языковыми формулами при общении в режиме вежливых взаимоотношений. В разговорной речи при стартировании коммуникации допускается и множество контактных метакоммуникативов, выраженных побудительных предложений. На этапе поддерживания общения эти предложения находят свою реализацию в таких речевых жанрах как приказ, просьба, совет, предложение, пожелание и др.

В коммуникативном поведении говорящего человека употребление предложений с побудительной семантикой составляют существенную часть его речевой продукции. Предложения со значением побуждения отражают побудительную ситуацию, включающую двух участников – говорящего и слушающего, причем формы побуждения обозначают не просто процесс, действие или состояние, а волеизъявление говорящего относительно выполнения или невыполнения казулируемого действия. Фатическая ситуация общения отводит слушающему центральное место в паре „говорящий – слушающий“, т. е. его позиция приоритетна, а при реализации побудительного (директивного) речевого акта ведущее место в коммуникативной ситуации занимает говорящий. Волеизъявление и субъективность говорящего являются центром императивной ситуации, так как они направлены на исполнителя побуждения, в функции которого выступает второе лицо. Внимание к собеседнику, его намерениям, эмоциональному состоянию, ситуации общения с ним и т. п. обеспечивает успешность побудительного речевого акта и является необходимым условием установления контакта между собеседниками.

Русский язык

— *Закусить не угодно ли? А у меня закусочкина приготовлена (А. Островски);*

— *Не выпьем ли холодненького, Мокий Парменыч? (А. Островский);*

— *Ты водички не хочешь ли? (А. Островский);*

— *Самовар поставить? Может баню тебе затопить? (В. Белов);*

— *Чашу вина? Белое, красное? (М. Булгаков)*

Болгарский язык

— *Могали да ви предложа чаша вино? (БНК);*

— *Дали не мога да ви предложа нещо?; Лейди Мелисандра, ще изпиеете ли с мен чаша вино? (БНК);*

— *Няма ли да изпиеш поне чаша мляко? - Не, благодаря... (БНК);*

И попита съвсем приятелски:

— *Чай, кафе?*

— *Благодаря, Борис Игнатиевич - отвърна Антон, назовавайки отново Хесер със светското му име.*

— *Току-що пих.*

— *Халба бира? — предложи неочаквано Хесер. (БНК)*

Употребление этих вопросов в инициальной реплике говорящего связаны с этикетизацией общения. Синтаксические конструкции подобного типа встречаются в фатическом общении сравнительно часто. Это можно объяснить тем фактом, что инициатор волеизъявления в подавляющем большинстве случаев не имеет возможности прямого воздействия на собеседника, поэтому выбирает „мягкую дискурсивную стратегию“. Как отмечает Г. Г. Почепцов, внимание к своему собеседнику представляет собой ведущий принцип

этикетизации общения [18], а Н. И. Формановская рассматривает вопросительные предложения в значении побуждения как „возможность выбора наиболее уместного стереотипа [25, с. 4].

В заключении можно сделать вывод о том, что метакоммуникативные вопросы в инициальных репликах используются носителями русского и болгарского языков чаще всего в качестве устойчивых этикетных выражений, принятых в данной языковой общности. Метакоммуникативные вопросы в обоих языках безусловно реализуют фатическую функцию (гарантируют речевой контакт), конативную (отражают вежливое отношение к адресату речи), регулирующую (взаимоотношения участников коммуникации), апеллятивную (призыв собеседника) и императивную (воздействие с целью осуществить контакт). Микросистема этих коммуникативных единиц общения, реализующих перечень указанных функций, подтверждает свое место в поле речевого этикета. В речевом поведении носителей русского и болгарского языков они составляют целый комплекс „удобных“ языковых средств, содержащих богатую прагматическую информацию. На этом основании объясняется и их широкое применение в фатическом общении.

References:

1. **Babushkina, M., A.**, Metakommunikativnaya funkciya kak raznovidnosty pragmaticheskoy funkcii yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016 g., №12(66), chasty 3, s. 84 – 87.
2. **Bajdikova, E., L.**, O kommunikativno-pragmaticheskom sodержanii nekotoryh modelej voprositelnyh predlozhenij frazeologizirovannoj struktury // vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo universiteta, № 2-11. Bryansk, 2012 g., s. 254 – 249.
3. **Bondarik, E., A.**, Metakommunikativnye znacheniya voprosov v pozicii otveta (na materiale belorusskih, russkih i anglijskih pyes) // Vesnik BDU. Ser. 4. 2011 g., № 1, s. 52 – 56.
4. **Volkova, L., G.**, Faticheskaya funkciya i sintaksicheskie sredstva ee realizacii: formalynny, semanticheskij, kommunikativno-pragmaticheskij aspekt: diss. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1998 g., 177 s.
5. **Grabovskaya, I., V.**, Teoreticheskie osnovaniya izucheniya metakommunikativnyh voprosov v angloyazychnom dialogicheskom diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, №7 (25) 2013 g., chasty 2, s. 78 – 82.
6. **Zajdes, K., D.**, Tipologiya metakommunikativnyh edinic russkoj spontannoj monologicheskoy rechi // Kompyuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii. Vypusk 1. 2017 g., s. 46 – 56.
7. **Jokoama, O.**, Kognitivnaya modely diskursa i russkij poryadok slov (perevod G. E. Krejdlina). Moskva, YAzyki slavyanskoj kulytury, 2005 g.
8. **Karakaleva-Todorova, A.**, Kvazivaprositelni izkazvaniya v balgarskata razgovorna rech, Avtoreferat. Shumen, 2018 g., 38 s.
9. **Kuzin, A., N.**, Voprosno-otvetnye edinstva: sintaksis i pragmatika (na materiale russkih i anglijskih pyes), AKD. Minsk, 2007 g.
10. **Kustova, G., I.**, Psevdovoprosy v psevdodialoge // Logicheskij analiz yazyka. Mono-, dia, polilog v raznyh yazykah i kulyturah, Izd. «Indirik». Moskva, 2010, s. 208 – 214.
11. **Lindstrem, E.**, Klassifikaciya russkih voprositelnyh po forme vyskazyvanij na baze pragmaticheski obosnovannoj universalnoj modeli, Avtoreferat. Petrozavodsk, 2003, 25 s.
12. **Lindstrem, E.**, Affektivnye i faticheskie voprosy v russkom yazyke // Nauchnyj Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta, Seriya «Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya», Vypusk № 7, 2007 g., s. 56 – 64.
13. **Nikolova, A.**, Diskursivnye funkcii voprosov i taktiki ih ispol'zovaniya v razlichnyh tipah teksta// Problemy kognitivnogo i funkcional'nogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov, Vyp.6. Shumen, 2008 g., s. 101 – 120.
14. **Paducheva, E., V.**, Vyskazyvanie i ego sootnesennosty s dejstvitelnostyyu. Moskva, Nauka, 1985 g., 273 s.

15. **Petkova, S.**, K voprosu o metarechevoj pragmaticheskoj informacii // Bolgarskaya rusistika, 2004, № 3-4, s. 7 – 14.
16. **Petkova, S.**, Realizaciya pragmaticheskogo potenciala vvodnyh metakommunikativnyh edinic v kontekste publicnogo dialoga // Bolgarskaya rusistika, 2011, kn. 3-4, s. 5 – 13.
17. **Petkova, S.**, Metakommunikativnye markery kak regulatory mezhlichnostnogo vzaimodejstviya v publicnom dialoge // Sapostavitelno ezikoznanie, spisanie na Sofijskiya universitet „sv. Kliment Ohridski“ XLI, 2016, № 2, s. 84 – 101.
18. **Pohepcov, G., G.**, Faticheskaya kommunikaciya // Semantika i pragmatika sitaksicheskikh edinstv. Kaliningrad, 1981 g., s. 52 – 60.
19. **Radbily, T., B.**, O nekotoryh nacionalyno-obuslovlennyh modelyah faticheskoy kommunikacii v razgovornoj russkoj rechi // Mir Nauki, Kulytury, Obrazovaniya. № 6 (49) 2014 g., s. 328 – 330.
20. **Restan, P., S.** Sintaksis voprositel'nogo predlozheniya: obshchij vopros (glavnym obrazom na materiale sovremennogo russkogo yazyka). Oslo: Universitetsforlaget, 1968 g., 880 c.
21. **Russkaya grammatika.** T. II. Moskva, Nauka, 1980 g., 710 s.
22. **Stefanova, M., I.**, Metainformacionni izkazvaniya s faticheska funkciya v balgarskiya dialog // Karpovskie nauchnye chteniya: sb. nauch. st. Vyp. 6: v 2 ch. CH. 2. Minsk, «Belorusskij Dom pečati», 2012 g., s. 212 – 216.
23. **Chahoyan, L., P.**, Sintaksis dialogicheskoy rechi sovremennogo anglijskogo yazyka. Moskva, Vysshaya shkola, 1979 g., 168 s.
24. **Chkhetiani, T., D.**, Lingvisticheskie aspekty faticheskoy metakommunikacii (na materiale anglijskogo yazyka): diss. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1987 g., 203 s.
25. **Formanovskaya, N., I.**, Russkij rechevoj ehtiket: lingvisticheskij i metodicheskij aspekty. Moskva, Rus. yaz., 1982 g., 126 s.